

RECENZJE

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Uniwersytet Warszawski

Zinaïda Guippius et Dmitri Mérejkovski, deux intellectuels russes face à l'Europe // „Slavica Occitania” 2022, nr 54, Olga Blinova, Victoire Feuillebois, Daria Sinichkina (red.), 490 s.

Известный в современной славистике французский журнал «Slavica Occitania» («Славика Окситания») посвятил свой очередной том (2022, nr 44) актуальной исследовательской проблеме: *Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, два русских интеллектуала лицом к лицу с Европой*. Основу тома составили доклады, прозвучавшие на престижной международной научной конференции *Мережковские и Европа*, которая состоялась в Париже осенью 2022 г. и собрала ученых из Франции, Германии, Польши, Канады, Латвии, России, США. Структурно номер включает *Вступление* и четыре тематических раздела.

Первый раздел, *Европейские инспирации творчества Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского*, посвящен европейским веяньям в произведениях знаменитой четы.

Ольга Блинова (Страсбургский университет и Национальный институт восточных языков и культур (INALCO, Франция) в статье «*Серафита*» *Оноре де Бальзака и концепт тройственного союза у Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского: исследование одного из возможных путей влияния* тщательно изучила историю бытования и рецепции мистического романа Бальзака в России XIX века и предложила оригинальный опыт исследования его влияния через посредство эссе Ипполита Тэна *Бальзак* на произведения супругов Мережковских и, в частности, на разработку концепта тройственного союза — краеугольного камня их эротического эксперимента, который должен был предвосхитить воцарение Церкви Третьего Завета. Исследовательница

также выявила различия в интерпретации мистической фигуры бальзаковского андрогина, отметив, что, если Дмитрий Мережковский использует образ Серафиты в своих произведениях для демонстрации духовного превосходства ряда персонажей, то Зинаида Гиппиус сосредоточивает свое внимание в основном на андрогинности Срефиты-Серафитуса как залого существования пути к совершенствованию для всех людей.

Татьяна Викторова (Страсбургский университет, Франция) в статье «*Европа-Содом*? Диалог Мережковских с Марселем Прустом в книге «*Тайна Запада: Атлантида-Европа*» обратила внимание на своеобразие подхода Мережковского к творчеству знаменитого французского писателя в контексте общего интереса к нему русской эмиграции, проявленного в ходе встреч Франко-Русской студии и первых переводов *Поисков утраченного времени* Борисом Шлецером и Галиной Кузнецовой. Дмитрий Мережковский, процитировав в своем монументальном труде *Тайна Запада* (глава *Европа-Содом*) ряд фрагментов из романа Пруста, предаёт проклятию не только Европу, ставшую, по словам русского автора, местом всех грехов рода человеческого, но и Пруста, который «сам обитатель Содома, если и «пощажённый небесным огнем», то, кажется, только наполовину, спасшийся весь в страшных ожогах, полуживой». При этом Викторова констатирует, что невзирая на суровый диагноз и обличительный тон, именно у Пруста — «величайшего писателя современной Европы», Мережковский и Гиппиус обнаруживают стиль письма, позволяющий примирить противоречия; приблизиться к «тайне третьего пола», которую они пытаются разрешить в рамках «тройственного союза» с Дмитрием Философовым; и, наконец, указать гнущемуся миру, как на Западе, так и на Востоке, — его возможное воскресение.

Флоранс Коррадо-Казанская (Университет Бордо-Монтень, Франция) в статье *Мережковские и маленькая Тереза* анализирует образ святой Терезы Лизьеской, присутствующий как в стихах Зинаиды Гиппиус, так и в эссе Дмитрия Мережковского *Маленькая Тереза*. Текст Мережковского, утверждает автор статьи, содержит размышление о святости, а истолкование жизни маленькой Терезы представлено как знаменование пришествия Царства Духа; в поэзии Зинаиды Гиппиус маленькая Тереза предстает многозначно: то как символ Вечно Женственного, то как образ любимой собеседницы, то как метафорическое выра-

жение этико-эстетической *простоты*, к творческому воплощению которой стремилась сама поэтесса.

Юрий Орлицкий (Российский государственный гуманитарный университет, Россия) рассматривает *Европейское в стихе Зинаиды Гиппиус*. Проанализировав верификационную технику Зинаиды Гиппиус (метрику, рифмику, строфику), ученый убедительно продемонстрировал ее новаторский подход к, казалось бы, традиционному репертуару используемых технических средств. За внешней уравновешенностью в поэзии Гиппиус, как оказалось, с одной стороны, вполне уживаются очень разнообразные стиховые формы, ориентированные на европейскую традицию, такие, как свободный стих, логоэдообразные композиты силлабо-тоники и тоники, эксперименты с рифмой, что позволяет поставить поэтессу в один ряд с самыми радикальными мастерами русского стиха Серебряного века; с другой стороны, в области строфики поэтесса демонстрирует приверженность традиционному способу сочетания и переплетения строф. Подобное сочетание традиционного и новаторского исследователь обнаружил и в стихе Мережковского.

Второй раздел тома *Русский и/или европейский модернизм: дело Дмитрия Мережковского* затрагивает природу модернизма в творчестве русского писателя.

Леонид Ливак (Университет Торонто, Канада) в статье *Дмитрий Мережковский и модернистская культурная общность* констатирует тот факт, что писатель до сих пор занимает довольно неопределенное место в истории русского и транснационального модернизма. Ситуация, сложившаяся вокруг Мережковского, неоднозначна: с одной стороны, современники, враждебно настроенные по отношению к модернизму, подчеркивали роль писателя в деле проникновения и распространения в России идей и концепций, связанных с художественным направлением «модерн» и «новым сознанием»; с другой стороны, многочисленные приверженцы модернистских идей отказывали Мережковскому в принадлежности к модернизму. Данная статья затрагивает вопрос о роли и месте Мережковского в русском и европейском культурном поле; автор рассматривает «случай Мережковского» как в общем контексте модернистской историографии, так и в последующих тематических преломлениях (в центре его внимания: граница между миноритарными культурами в России, в частности, между интеллигентской и модер-

нистской культурными общностями; центр и периферия русской модернистской культуры на разных этапах ее существования; модернистские стратегии по отношению к свободному культурному рынку и к политической власти).

Елена Андрущенко (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия) рассмотрела «случай Мережковского» в ином контексте. В статье *Реми де Гурмон в России: «случай» Дмитрия Мережковского*, изначально отмечено, что личность и творчество Реми де Гурмона — французского писателя, эссеиста, художественного критика, привлекали большое внимание русских модернистов. Его изящные портреты писателей и поэтов, представленные в *Книге масок* (1896), оказали определенное влияние на становление и развитие в России новой литературно-критической формы. Между *Книгой масок* Реми де Гурмона и *Вечными спутниками* (1896) Дмитрия Мережковского исследовательница устанавливает типологическую связь, обусловленную общими процессами в русской и французской литературах в конце XIX в. Новые подходы к оценке явлений литературы тогда выразились, прежде всего, 1) в субъективном отборе имен для анализа, что было обусловлено субъективным «я» критика; 2) в противопоставлении своей интерпретации научному способу изучения; 3) в формировании собственной литературной иерархии.

Вадим Полонский (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия, Университет МГУ-ППИ, Китай) затронул вопрос, касающийся *Биографики Д. С. Мережковского в контексте западноевропейской и русской традиции жизнеописательного жанра*. Ученый напомнил, что западная критика зачастую сопоставляла историческое и биографическое письмо Мережковского с археологизмом Георга Эберса, эстетским стилизаторством Флобера как автора *Саламбо* и универсалиями Ипполита Тэна. При этом оставался открытым вопрос о природе впечатляющего сходства между биографиями Наполеона, созданными Леоном Блуа и Мережковским, поскольку есть косвенные свидетельства, до сих пор научно не верифицированные, в пользу влияния ранних текстов русского писателя на французского автора. Биографические сочинения Мережковского важно соотносить с жанровым репертуаром линии религиозного традиционализма правого толка — нарочито стигматизированной и дискредитированной

в господствующей аксиологии культуры после Второй мировой войны. В статье особое внимание уделяется книгам *Данте* и *Наполеон*. При этом подчеркивается, что в *Данте* Мережковский выступает в качестве компилятора, «законсервировавшего» в одном произведении компендиум общих мест русской Дантеаны Серебряного века. Что же касается книги *Наполеон*, то здесь тотальная сакрализация картины мира находит типологическое соответствие, с одной стороны, в литературе «католического обновления», а с другой — в автоагиографических произведениях русской старообрядческой традиции.

Дарья Кунцевич (Университет Бордо Монтень, Франция) в статье *Дмитрий Мережковский и Николай Минский, два религиозных голоса в «Меркюр де Франс»* обратила внимание на факт, что в 1907 г. особое внимание редакции журнала «Меркюр де Франс» привлекла религиозная ситуация. Журнал провел международный опрос по теме: *Наблюдаем ли мы распад или эволюцию религиозных идей и чувств?* Мережковский в своём ответе развивал идеи «нового религиозного сознания», а Минский отстаивал свою уникальную религию — меонизм. В данном контексте автор статьи объясняет причины сотрудничества «Меркюр де Франс» с русским дуэтом, а также выявляет «разрыв» между позициями, высказанными Минским и Мережковским.

Третий раздел тома *Рецепция трудов Дмитрия Мережковского в Европе* включает статьи, затрагивающие проблемы восприятия творчества Мережковского европейскими читателями.

Клэр Делоне (Сорбонна, Франция) посвятила свою статью *Ранней рецепции эссе «Л. Толстой и Достоевский» Дмитрия Мережковского во Франции*. Обращаясь к ранней французской рецепции эссе Мережковского *Л. Толстой и Достоевский*, автор статьи предприняла попытку объяснить причины относительной неудачи, постигшей русского автора, вопреки всем приложенным им усилиям для достижения успеха. Как указывает Делоне, название работы Мережковского *Л. Толстой и Достоевский* подразумевало взаимодополняющую пару русских художников слова, обе составляющие которой необходимы для достижения синтеза; во Франции же оно, похоже, было прочитано сквозь призму выбора: «Л. Толстой или Достоевский» и даже противопоставления: «Против Л. Толстого, за Достоевского». Негативную рецепцию, по мнению исследовательницы,

во многом определило позиционирование, приписываемое Мережковскому, по отношению к этому выбору — «За Достоевского в ущерб Толстому», именно в тот момент, когда Толстой занимал ведущее место как во Франции, так и во всем мире.

Виктуар Фёйбуа (Страсбургский университет, Франция) рассматривает *Влияние книги «Л. Толстой и Достоевский» Дмитрия Мережковского на эссе «Гёте и Толстой» (1925) Томаса Манна*, предлагая читателям еще раз вернуться к вопросу о европейской рецепции произведения Мережковского *Л. Толстой и Достоевский* на примере эссе Томаса Манна *Гёте и Толстой*. В этом эссе, опубликованном в 1925 году, Манн проводит параллель между Гёте и Толстым, которая, на первый взгляд, удаляет немецкого писателя от Мережковского. В действительности же, этот текст наглядно показывает не только то, что Манн учится у русского критика, но и то, что, в целом, особенности рецепции книги Мережковского позволяют лучше понять ту своеобразную новаторскую природу организации сравнения, которую русский писатель в ней разрабатывает.

Мишель Никё (Университет Кан-Нормандия, Франция) сосредоточивается на публицистических *Предупреждениях Мережковского и Солженицына Западу*. Напоминая, что оба писателя — Дмитрий Мережковский, уехавший из России в декабре 1919 г., и Александр Солженицын, изгнанный из СССР в феврале 1974 г., воспринимали коммунистическую идеологию как абсолютное зло и предупреждали Запад об ее опасности. Ставя этику выше вопросов экономических и политических, оба призывали Запад сопротивляться этому злу морально. Мережковский даже говорил о необходимости военной интервенции как открытой борьбе с советской властью. Книга жившего во Франции русского психолога Владимира Драбовича *Хрупкость свободы и соблазн диктатуры* (1934) в данном контексте помогает понять с точки зрения социальной психологии идеологическую слепоту Запада, о которой в свое время сожалели и Мережковский, и Солженицын.

Четвертый раздел: *Новые элементы европейской биографии Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского*, по сути, библиографический, вводящий в научный оборот неизвестные материалы.

Мария Тургиева (Сорбонна, Франция) в своей статье определяет *Роль кружка «Зелёная лампа» в жизни русской эмиграции*.

«Зелёная лампа», созданная в Париже в 1927 г. по инициативе Мережковских, просуществовала тринадцать лет. Автор описывает собрания кружка, его участников, обсуждаемые проблемы и особо останавливается на беседах о духовном состоянии эмиграции, личной свободе, возможности писать вдали от родины. Изучение деятельности «Зелёной лампы», как резюмирует Тургиева, позволяет понять значимость деятельности Мережковских в эмиграции.

Маргарита Павлова (Институт русской литературы Российской академии наук, Россия) представила читателям *Новые материалы к биографии Анны Гиппиус: первые годы эмиграции (1920–1924)*. В статье дан краткий биографический очерк Анны Николаевны Гиппиус (1875–1942) — второй по рождению из трех сестер писательницы Зинаиды Гиппиус. Анна, будучи врачом по образованию, в 1917 г. была мобилизована на фронт, дальнейшая история ее жизни практически неизвестна. На основе документов и рукописей Анны Гиппиус, хранящихся в США (в Центре русской культуры Амхерста, Библиотеке Иллинойского университета — Урбана-Шампейн, Гуверовском институте), автор статьи прослеживает пути А. Н. Гиппиус в эмиграции: Константинополь (1920–1921), Югославия (1921–1924), Франция (1925–1942); особое внимание уделено до-французскому периоду и ее участию в РСХД.

Александр Строев (Новая Сорбонна, Франция) представил материалы, касающиеся *Хроники жизни Дмитрия Мережковского при немецкой оккупации по статьям французской прессы: материалы для биографии*. Изучив газетные статьи и многочисленные интервью Мережковского, автор статьи знакомит читателей с повседневной жизнью писателя, его политическими убеждениями, деятельностью во время немецкой оккупации, кругом его знакомств в Биаррице в 1940–1941 гг. Эти материалы раскрывают генезис последних книг Мережковского, таких, как *Тайна русской революции* и *Европа лицом к лицу с СССР*, указывают на связи его публичных выступлений летом 1941 г. и статьи *Большевизм и человечество*, а также речи, произнесенной по радио. Начавшаяся война подтверждает его предсказания 1920-х — 1930-х гг. Журналисты представляют русского писателя как пророка. Восприятие его творчества и его выступлений показывает, что в конце жизни Мережковский пользуется славой политического и мистического писателя. Пресса, контролируемая

RECENZJE

немцами, использует его антибольшевистские статьи для оправдания войны против СССР.

Стоит также упомянуть, что том содержит именной указатель, указатели цитируемых произведений Гиппиус и Мережковского, а также цветные иллюстрации, репродукции как известных, так и редких или впервые опубликованных фотографий и портретов.

Думается том, прекрасно изданный французскими русистами, будет полезен читателям, интересующимся русской культурой и литературой эпохи модернизма.